

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Е.В. Савельева
(Россия, Астрахань)

Статья посвящается одному из ключевых периодов в истории нашей страны – периоду Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. Любые изменения в экономике ведут к серьезным изменениям в социальной жизни общества. Эпоха 1860–1870-х гг. стала исключением. Анализ социальных последствий этих изменений посвящено данное исследование.

The article is devoted to one of the key period in history of our country – the period of the Great reforms of the 60–70s of the XIX century. Changes in social life of the society are the result of any changes in economy. Epoch of the 1860–1870s became an exception. This investigation is devoted to the analysis of social consequences of these reforms.

Ключевые слова: Великие реформы, либерализм, дворянство, крестьяне, крепостное право.
Key words: Great reforms, liberalism, nobility, peasants, serfdom.

Актуальность темы данной работы определяется непреходящим интересом в постсоветской России ко времени Великих реформ 60–70-х гг. XIX в., которые будоражат умы не только историков, но и политиков, журналистов, да и простых граждан, кто не равнодушен к прошлому, настоящему и будущему своей страны. Хотя от того периода нас отделяет уже солидный (по меркам человеческой жизни) отрезок времени, в современном российском обществе (не только в научных кругах) сложилось консолидированное мнение, что именно тогда закладывались те векторы и противоречия, которые определяли развитие нашей страны в XX в.

Одним из главных последствий Великих реформ стали значительные изменения в социальной структуре Российского общества, а также невиданное ранее усиление социальной мобильности населения. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., население страны составляло 125 640 000 человек (без Финляндии). При этом на Европейскую часть России приходилось 102 900 000 чел., на Азиатскую – 22 700 000 жителей. По сословному положению население России распределялось следующим образом: 71 % – составляли крестьяне (99 800 000 чел.), 10,75 % – мещане (13 400 чел.), 1,5 % – потомственные и личные дворяне (1 700 000 млн чел.), 0,5 % – купцы и почетные граждане (624 000 чел.), 0,5 % – духовенство (589 000 чел.) и 0,8 % – «прочие» («иногородцы», деклассированные элементы, не указавшие своей сословной принадлежности). По роду деятельности население распределялось на сельскохозяйственное – 77,2 % (97 000 000 чел.), торгово-промышленное – 17,3 % (21 700 000 чел.) и «непроизводительное» – 5,5 % (6 900 000 чел.).

Сословные различия, характерные для предыдущего периода, в пореформенное время стали постепенно стираться, хотя и сохранялись до 1917 г. Дворянство оставалось главным привилегированным сословием, пользовавшееся преимуществом при занятии гражданских и военных должностей. На рубеже XIX–XX вв. 75 % чиновничества и 90 % офицеров армии и флота составляли дворяне. Однако процессы капиталистического развития страны привели к тому, что дворянское предпринимательство росло не только в сфере сельского хозяйства, но и в промышленности, банковском и железнодорожном деле.

Одним из важных социальных факторов в пореформенной России являлось формирование промышленного пролетариата и промышленной буржуазии. Промышленный пролетариат существенно отличался от предпролетариата крепостной эпохи, представленного либо крепостными рабочими вотчинных и посессионных мануфактур, либо уходившими на заработки крестьянами, зависимыми от власти своего барина, связанными с землей, с общиной. В пореформенное время сформировались кадры постоянных рабочих, оторванных от земли и проживавших со своими семьями в крупных промышленных центрах. Увеличился удельный вес потомственных рабочих, отцы и деды которых работали на фабрике. Однако значительная часть рабочих все еще сохраняла связь с землей, с деревней, где они были «приписаны» и где у многих находились их семьи. Еще в 1880–1890-е гг. было обычным явлением уход рабочих с московских фабрик на летние работы в деревню.

Ядро пролетариата в пореформенный период составляли наемные рабочие в промышленных предприятиях и на железнодорожном транспорте. За вторую половину XIX в. численность их увеличилась вдвое – с 706 000 до 1 423 000 чел. В конце 1890-х гг. насчитывалось еще 1 млн рабочих в строительстве, около 2 млн – на разных «черных» работах и 3,5 млн сельскохозяйственных рабочих.

Основным источником роста числа наемных рабочих в разных отраслях промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, в сфере услуг был промышленный и сельскохозяйственный отход крестьян. Если в начале 1860-х гг. ежегодно выдавалось около 1,3 млн паспортов на срок от полугода до трех лет, то в 1890-х гг. – свыше 7 млн паспортов. Еще большее число отходников направлялось на сезонные работы по краткосрочным «билетам» (на срок от одного до четырех месяцев). В связи с ростом применения на фабриках женского труда в отход все более вовлекались и женщины. Изменился и прежний патриархальный взгляд на женский отход на заработки. Земские статистики того времени писали: «Если прежде отцы, мужья, сыновья и братья считали зазорным посылать в дальние края своих дочерей, жен и сестер на заработки, то теперь вынужденная необходимость посылать их на сторону для отыскания себе средств существования указывает на невозможность добыть себе дома хлеб насущный». Уходившие на заработки крестьяне затем поселялись в городах на постоянное жительство. Промышленный отход крестьян служил, таким образом, основным источником роста городского населения.

Процесс формирования промышленной буржуазии начался еще в дореформенную эпоху. Он выражался в том, что из среды мелких товаропроизводителей выделялись представители торгового и ростовщического капитала. Накопив необходимый стартовый капитал, они затем вкладывали его в промышленное дело, становясь промышленниками-предпринимателями. Однако, занявшись промышленным предпринимательством, они в то же время продолжали расширять и торговые операции. Соединение промышленного капитала с торговым – характерное явление для мануфактурной стадии промышленности. Предприниматель выступал здесь одновременно в роли купца и фабриканта. Впоследствии рост промышленного капитала и промышленной буржуазии был связан с переходом от мануфактуры к крупной машинной индустрии.

Таким образом, социальной базой формирования промышленной буржуазии служили купечество, отчасти мещанство, но преимущественно представители разбогатевшего крестьянства. Известные династии русских фабрикантов – Гучковы, Коноваловы, Кокушкины, Кондрашевы, Гарелины, Гандурины, Ямановские, Зубковы, Морозовы, Прохоровы, Рябушинские – вышли из среды крестьянства.

В 1870–1880-е гг. возникают организации русской буржуазии для защиты ее предпринимательских интересов. В 1873 г. в Петербурге образовался «Совет съездов представителей коммерческих банков». Он объединил банкиров Петербурга, Москвы и нескольких крупных промышленных центров. В 1874 г. в Харькове был учрежден «Совет съездов горнопромышленников Юга России», представлявший интересы владельцев металлургических, машиностроительных и железнорудных предприятий Донбасса и Криворожья. В 1880 г. возник «Совет съездов горнопромышленников Уральской области». В 1884 г. в Баку был образован «Совет съездов нефтепромышленников», созданный группой ведущих предпринимателей и фирм, занятых добычей, переработкой и транспортировкой нефти и нефтепродуктов, а в 1888 г. появился «Совет съездов мукомолов». Союзы предпринимателей действовали на основании уставов, утвержденных правительством. Регулярно, иногда по несколько раз в год, собирались съезды, которые занимались вопросами тарифов, налогов, рабочим законодательством и другими делами торговли и промышленности. Эти союзы промышленников впоследствии послужили основой для формирования крупных монополистических объединений.

Таким образом, реформы 60–70-х гг. XIX в. кардинально изменили жизнь России. На протяжении значительного периода времени происходило одновременное развитие старых и новых форм производственных отношений и за ними стояли конкретные социальные силы российского общества, что не могло не вызывать противо-

речий. Эти противоречия особенно ярко проявлялись в социальной политике правительства, которая стала выражать со второй половины XIX в. интересы союза крепостников-помещиков и крупного капитала. Содействуя некоторыми своими сторонами дальнейшему развитию капитализма в России, она в то же время углубляла его противоречия и неравномерность [8, с. 63].

Необходимо заметить, что сегодня нет однозначных оценок уровня капиталистического развития России к концу XIX в., мы не располагаем целостной социально-экономической картиной второй половины XIX в. Это положение во многом объясняется тем, что в советской историографии, в основном, изучалась одна из граней этой проблемы, то есть социально-экономические предпосылки Великой Октябрьской революции [18]. Основное внимание было сосредоточено на наиболее важном направлении, но достаточно широкий спектр проблем оставался за чертой исследований. В последнее время наметился всплеск интереса к изучению социально-экономического развития России во второй половине XIX в. Однако, несмотря на появление отдельных трудов [18], еще рано говорить о каких-то крупных сдвигах в решении проблемы. Это требует коллективных усилий многих исследователей.

Процесс индустриальной модернизации России, что закономерно, оказал известное влияние на социальное развитие страны. Социально-экономическое положение российского общества к последней четверти XIX в. характеризовалось следующими основными параметрами: состоянием промышленности, транспорта, финансов и сельского хозяйства, с одной стороны, а с другой – изменениями в социальной структуре общества и в политической сфере.

Переход огромной страны при большом разнообразии составляющих ее частей, резком социальном неравенстве из одного состояния в другое шел неравномерно и сложно. Это отразилось во всех сферах, в том числе и на развитии промышленности. Пореформенная промышленность в России производила, в основном, предметы потребления, однако, начиная с 80-х гг. XIX в., растет удельный вес производства средств производства. Наряду со старыми, традиционными отраслями промышленности (текстильной и металлургической) возникали и развивались новые – угольная, нефтедобывающая, химическая, машиностроение [3, с. 8].

Важным показателем развития капиталистического производства являлось и увеличение употребления наемного труда. Рост капиталистической промышленности происходил относительно быстро. Если взять промышленные заведения в Европейской России с числом рабочих не менее 16 человек, то их количество увеличивалось в следующих размерах. В 1866 г. таких промышленных заведений было примерно 2,5–3 тыс., в 1879 – около 4,5 тыс., в 1890 – около 66 тыс. [19, с. 4–6]. Количественный рост промышленности сопровождался качественными изменениями ее структуры. Интенсивно протекали механизация производства, модернизация технологии, расширение энергетической базы. Однако промышленное развитие носило сложный характер и не поддается однозначной оценке. С одной стороны, развитие капитализма сопровождалось укрупнением промышленных предприятий. С другой, не только сократились, но параллельно росту крупной промышленности развивались и низшие формы промышленного производства – мелкотоварная и мануфактурная.

В пореформенный период в несколько раз возросло товарное обращение. В 1871 г. сумма оборотов торговых предприятий внутри страны (без мелких видов торговли) составляла – 2 400 000 руб., в 1885 г. до 7 755 000 руб. Обороты внешней торговли также увеличились в следующих размерах: в 1861–1865 гг. ежегодная ценность вывоза и ввоза составляла 347 000 000 руб., в 1871–1875 гг. – 831 000 000 руб. [5, с. 163].

Развитие капитализма изменило и сам характер внутреннего рынка. Старые пореформенные формы торговой связи – ярмарочная торговля, гужевой транспорт – не могли удовлетворить потребности развивающегося рынка. После реформы получили широкое распространение новые виды транспорта, вызванные развитием капитализма. Началось широкое железнодорожное строительство. За 30 лет (с 1865 по 1890 гг.) русская железнодорожная сеть возросла почти в 18 раз [17, с. 124]. Тарифы, установленные по железной дороге, были построены таким образом, что для перевозки това-

ров на далекие расстояния были представлены более льготные условия. Это содействовало вовлечению в товарооборот более отдаленных районов страны.

Коренным образом во второй половине XIX в. изменилась и система кредита. Дореформенные кредитные учреждения (ассигнационный, заемный и другие банки) находились в руках государства и обслуживали, главным образом, нужды дворянства. Теперь к банковскому делу был привлечен частный капитал. В 1870 г. кроме государственного банка существовало 29 акционерных банков, 15 обществ взаимного кредита, городские банки, ссудно-сберегательные товарищества. Размеры банковских оборотов росли. Общая сумма выдач государственного банка увеличилась с 113 млн руб. в 1860–1863 гг. до 620 млн руб. 1884–1888 гг. организации акционерных обществ, получивших широкое распространение во второй половине XIX в.

Если в 1861–1873 гг. кредитные учреждения поглощают 20,2 % всего акционерного капитала, железные дороги – 62,6 % и промышленные предприятия – 11,4 %, то в 1874–1881 гг. отношения эти значительно изменяются: кредитные учреждения берут 0,8 % всего акционерного капитала, железные дороги – 13,1 %, промышленные предприятия – 58 %. Экономическая политика правительства во второй половине XIX в. носила характер, не противоречащий нуждам промышленного развития, что проявлялось и в умеренной таможенной политике.

Таким образом, рост капитализма в промышленной сфере во второй половине XIX в. протекал довольно интенсивно, но уже в этот период обозначились некоторые существенные проблемы, связанные как с особенностями капиталистического развития внутри страны, так и с тем, что Россия вступила в капитализм позднее других стран, достигших высокой степени его развития. То есть, как писал В.В. Воронцов, «ей (России) приходится конкурировать с опытными странами, а соперничество таких противников может совершенно заглушить слабые ростки вновь возникающего капитализма» [6, с. 14].

Проблема индустриализации, создания более благоприятных условий для развития промышленности к концу XIX в. обозначилась достаточно остро. Менее интенсивно, чем в промышленности, процесс капиталистического развития протекал в сельском хозяйстве. Общая картина, которую на основе всех преобразований представляло собой землевладение в России уже в 70-е гг. XIX в., по данным Центрального статистического комитета, вырисовывается в следующем виде: данные центрального статистического комитета, изданные в 1878 г., относятся к 49 губерниям Европейской России. Всей земли в них было 391 млн десятин, которые распределялись следующим образом: казенных земель, то есть не наделенных крестьянам, а оставшихся непосредственно в распоряжении казны, в этот момент было 150 млн десятин (38,5 %) общего пространства названных губерний; земель, которые оставались в непосредственном владении уделов, опять-таки после наделения удельных крестьян, было 7,4 млн десятин (2,2 %) общего количества; а частной собственности помещиков и других землевладельцев было 93 млн десятин (23,78 %). Если же различать состав дворянского и недворянского землевладения, то собственно дворянских земель к концу 1870-х гг. было 73 млн десятин, а земель, принадлежавших владельцам недворянских сословий, в числе которых были и богатые крестьяне, покупавшие земли отдельно от своих обществ, составило 20 млн десятин [14].

Итак, главными фигурами в сельском хозяйстве оставались помещик и мелкий крестьянин. Крестьянство и после реформы оставалось самой бесправной частью населения России. Продолжала существовать крестьянская община, что оказывало влияние на развитие сельского хозяйства. Земля отводилась общине, которая производила периодически общие или частичные переделы между крестьянами на началах «уравнительного землепользования». Существование круговой поруки порой сковывало хозяйственную самостоятельность крестьянина, мешало свободе его передвижения и т.д.

Господство помещичьего землевладения, отработки, отсутствие свободы передвижения, замкнутость крестьянской общины – все это задерживало развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Но, как пишет К.Н. Тарновский, – «Это не был магистральный путь развития капитализма. К нему подвигались боковой дорогой, с тру-

дом веза этот тяжкий воз, "застревая в многочисленных рытвинах, какими могут быть названы прочно укоренившиеся в деревенской жизни пережитки, и если в ней утвердился капитализм, то это был капитализм наихудшего свойства"» [19, с. 151].

Разложение крестьянства было наиболее важным показателем развития капитализма в сельском хозяйстве. Неимущее крестьянство, терявшее свою хозяйственную самостоятельность, создавало рынок рабочей силы, как для предпринимательского сельского хозяйства, так и для крупной капиталистической промышленности. Вместе с тем разоренный крестьянин, живший в основном на заработки и приобретающий предметы потребления преимущественно на рынке, способствовал развитию промышленности.

В пореформенный период получило развитие дворянское предпринимательство. Многие крупные землевладельцы стремились перестроить свои имения на капиталистический лад. Однако капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства имела достаточно сложный характер. Существование тех или иных форм хорошо поставленных хозяйств не могло заслонить того факта, что в массе своей вложения со стороны помещиков на ведение собственного хозяйства были незначительны.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве способствовало тому, что крупное землевладение постепенно утрачивало свой дворянский характер. Об этом красноречиво говорят такие данные: в 1877 г. в руках дворян было 77,8 % всей частновладельческой земли, а в 1887 г. – 68,3 %. Остальная часть – находилась в руках купцов, мещан, крестьян [10, с. 127]. По темпам перехода к капиталистическому хозяйству отдельные районы страны сильно различались друг от друга. В некоторых районах (например, на Украине, на юго-западе) уже преобладало капиталистическое хозяйство, в других – господствовала отработочная система, в третьих – преобладала смешанная система. Следовательно, структура аграрного строя России к концу XIX в. предстает в виде сложного сочетания полукрепостнических, раннекапиталистических и собственно аграрно-капиталистических отношений.

Вполне очевидно, что социальная структура российского государства зависела от уровня и темпов экономического развития России. В первые пореформенные десятилетия русская промышленность производила в основном предметы потребления, однако, начиная с 80-х гг. XIX в. растет удельный вес производства средств производства. В первые пореформенные десятилетия промышленный облик страны определяла легкая промышленность, ведущую роль в которой играла текстильная, сосредоточенная, главным образом, в Московском, Петербургском и Прибалтийском промышленных регионах. На эти регионы приходилось 75 % ткацких станков, 80 % мощности паровых машин и 85 % рабочих всей текстильной промышленности страны. С 1860-х гг. бурное развитие получила текстильная промышленность [11].

Важнейшей отраслью промышленности была горнодобывающая, которая в первые пореформенные десятилетия сосредоточивалась в основном на Урале. В пореформенной России наряду с развитием традиционных отраслей промышленности возникали новые, например, угольная, нефтедобывающая, химическая, машиностроение. Менялась промышленная география страны. К старым промышленным регионам – Московскому, Петербургскому, Прибалтийскому, Уралу – прибавились южный угольно-металлургический (Донбасс и Южная Украина), Бакинский нефтедобывающий. Возникли крупные промышленные центры – Баку, Харьков, Екатеринбург, Юзовка, Горловка, Нарва. Таким образом, промышленность развивалась во многих регионах страны.

С 1860 по 1895 г. выплавка чугуна возросла с 21 до 89 млн пудов. Наиболее быстро росла горнодобывающая промышленность. Добыча каменного угля возросла с 18 до 556 млн пудов, нефти – с 500 тыс. до 377 млн пудов. В производстве чугуна Урал уступил первое место Югу России. Сохранявшиеся крепостнические пережитки в уральской горной промышленности были главной причиной медленного роста производства по сравнению с более свободным капиталистическим развитием Юга России. Если в 1880 г. Юг давал всего 5 % выплавлявшегося в России чугуна, а Урал – 70 %, то к 1900 г. на долю Юга приходилось уже 52 % выплавлявшегося чугуна, а Урала – 27 %. В 1900 г. одна домна Урала давала в 8 раз меньше чугуна, чем одна

домна на Юге. Энерговооруженность (по числу лошадиных сил на один завод) промышленности Юга была в 25 раз выше, чем на Урале; один рабочий на Юге производил чугуна в 6 раз больше, нежели один рабочий на Урале. Приведенные данные позволяют сделать вывод о включении новых регионов в развитие старых отраслей промышленности.

Значительные успехи были достигнуты в отечественном машиностроении. Крупными центрами транспортного машиностроения (паровозов, вагонов и пароходов) стали г. Сормово Нижегородской области, Луганск и Коломна. Центрами сельскохозяйственного машиностроения стали Харьков, Одесса, Бердянск, Александровск, Елисаветград. Внедрение новой сельскохозяйственной техники освобождало рабочие руки в деревне, что обуславливало миграцию крестьян в промышленные центры.

Промышленность развивалась не только в городах, но и в деревне. Особенностью промышленного развития России было то, что в ней не столько «мужик шел на фабрику», сколько «фабрика шла к мужику», то есть когда промышленность (преимущественно обрабатывающая) «переселялась» в деревню, находя в ней наиболее дешевую рабочую силу. Объясняется эта особенность тем, что крестьянин был связан с наделом, прикреплен к общине; к тому же еще в дореформенный период в деревне уже были широко развиты разного рода промыслы, подготовившие квалифицированные кадры для крупной промышленности. Таким образом, в Центральной России возникли сотни фабрично-заводских поселков (типа Орехово-Зуева), которые стягивали к себе избыточное сельское население. В 1890 г. в Европейской России было 329 фабрично-заводских поселков, в которых насчитывалось 451 тыс. рабочих, то есть 52 % их числа в крупной промышленности.

В пореформенной промышленности особенно быстро возрастали те ее отрасли, которые производили средства производства. Иначе говоря, рост тяжелой промышленности (группа «А») обгонял рост легкой промышленности (группа «Б»), что было характерно для капиталистической промышленности всех стран. Развитие промышленности сопровождалось процессом дальнейшей концентрации, выразившейся в увеличении числа рабочих и размеров производства в расчете на одно предприятие, а также в дальнейшем укрупнении предприятий. С 1866 по 1890 гг. количество промышленных предприятий в России со 100 и более рабочими возросло в полтора раза, в то же время число рабочих в них – в два раза, а общая сумма производства – в три раза. При этом темпы концентрации рабочей силы были выше в наиболее крупных предприятиях: численность крупнейших предприятий (насчитывавших каждое свыше 1000 рабочих) за 1866–1890 гг. удвоилась, количество рабочих в них утроилось, а сумма производства возросла в 5 раз [21, с. 118].

Реформы второй половины XIX в. значительно изменили Россию. Однако, по мнению Рейтерна (Рейтерн М.Х. – Министр финансов России (1862–1878)), они «так сильно коснулись глубины государственного устройства и общественной жизни, что много еще времени, много трудов, много жертв потребуются, прежде чем Россия выйдет из переходного состояния и твердо установится на новых основаниях» [7, л. 3]. М.Х. Рейтерн сформулировал программные документы экономической политики, которые выразили коренной поворот после реформы 1861 г. и легли в основу официального курса министерства финансов вплоть до революции 1905–1907 гг. Большой интерес в этом смысле вызывает его записка Александру II, в которой он выразил идею российской либеральной экономической мысли: обеспечение развития народного хозяйства с помощью частной инициативы, но под «непременным контролем правительства» [7, л. 3]. Рейтерн предложил достаточно оригинальную программу капиталистической индустриализации. Сущность экономической политики Рейтерна сводилась к форсированному строительству железных дорог и капиталистической кредитной системы, развитию новых отраслей тяжелой промышленности. Приведенные данные о развитии промышленности, транспорта, финансов во второй половине XIX в. говорят о том, что практическое воплощение этой программы было достаточно успешным.

Показателем роста железнодорожной сети и парового водного транспорта в российском государстве 1860–1890-х гг. Создание сети железных дорог и рост механи-

зорованного транспорта сыграли колоссальную роль в индустриальном развитии пореформенной России. Для России, страны с огромными пространствами, железные дороги имели громадное не только хозяйственное, но и стратегическое значение: тяжелые последствия бездорожья особенно ярко проявились в годы Крымской войны.

В январе 1857 г. было учреждено Главное общество российских железных дорог, которое разработало широкую программу железнодорожного строительства, предусматривавшую, прежде всего, соединение хлебопроизводящих районов страны с судоходными реками и портами Черного и Балтийского морей. В данном случае преследовалась цель создать благоприятные условия для предпринимательского помещичьего хозяйства. Однако железные дороги призваны были выполнять и важную стратегическую функцию – быструю доставку войск из центра к западным границам.

Для ускорения темпов железнодорожного строительства правительство привлекало частный капитал, которому были предоставлены значительные льготы и главная из них – гарантия ежегодной пятипроцентной прибыли. Кроме того, в частные руки передавались и железные дороги, построенные ранее на средства казны. К 1871 г. почти все железные дороги находились в частных руках. Однако эта мера не оправдала надежд. К 1880 г. долг казне частных железных дорог превысил 1 млрд руб. Вследствие этого правительство вновь вернулась к казенной постройке железных дорог, а затем и к постепенному выкупу частных железных дорог. Громадные выкупные платежи, взимаемые с крестьян за наделные земли, существенное повышение прямых и косвенных налогов позволили правительству провести эту меру: к 1895 г. 60 % железнодорожной сети было уже в казенном ведении, и жесткий правительственный контроль был установлен над железными дорогами, оставшимися в частном владении.

Рост железнодорожной сети в пореформенной России отражают следующие показатели: если к 1861 г. протяженность ее составляла 1,5 тыс. верст, то к 1871 г. – свыше 11 тыс. верст. К 1881 г. протяженность сети более 22 тыс., а к 1891 г. уже 30 тыс. верст. В железнодорожном строительстве России можно выделить два наиболее интенсивных периода: конец 1860-х – начало 1870-х гг., когда ежегодно вводилось в строй свыше 2 тыс. верст железных дорог, и вторая половина 90-х гг. (время промышленного подъема), когда среднегодовой прирост железнодорожной сети составлял 8 тыс. верст. Влияние железных дорог на все стороны экономики страны было громадным. Железные дороги, связав самые отдаленные районы страны с центром и между собой, способствовали углублению их специализации, развитию внутреннего и внешнего рынка, росту подвижности населения. Рассчитанные сначала на удовлетворение в первую очередь нужд хлебного рынка, железные дороги дали сильный толчок развитию различных отраслей промышленности страны. Они связали производство различных отраслей промышленности с их сырьевой базой и с рынками сбыта.

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. были введены в строй такие важные линии, как Москва – Курск, Курск – Киев, Курск – Харьков, Харьков – Одесса, Харьков – Ростов, Москва – Ярославль, Ярославль – Вологда, Москва – Тамбов, Тамбов – Саратов, Москва – Брест, Брест – Киев. Таким образом, в начале 1870-х гг. центр России был связан с северными, поволжскими черноземными губерниями, с портами Черного и Балтийского морей, а Москва превратилась в крупнейший железнодорожный узел страны.

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. началось строительство железных дорог и на окраинах Европейской России: в Закавказье, в Средней Азии и на Урале. Были проведены дороги от Перми до Екатеринбурга, от Самары до Уфы; Екатеринослав был соединен с Донбассом и Кривым Рогом. В 1883–1888 гг. были построены Закавказская и Закаспийская железные дороги. В 1890-х гг. железные дороги соединили центр с основными поволжскими городами, проведены линии Москва – Рига – Видава, Вологда – Архангельск, Пермь – Котлас. В 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали, имевшей исключительно важное значение в освоении Сибири, Приамурья и Приморья.

Менялась и структура перевозимых по железным дорогам грузов: если в 1860–1870-х гг. хлеб составлял 40 % в железнодорожных грузовых перевозках, то в 1890-х гг. – уже не более 2,5 %. Хотя объем перевозимого по железным дорогам хлеба еще более возрос, однако основными грузами стали уже металл, машины, лес, уголь, нефть и нефтепродукты, продукция обрабатывающей промышленности. Сами железные дороги предъявляли возрастающий спрос на металл, уголь, лес, нефть. В 1890-е гг. на нужды железных дорог шло до 36 % всего добываемого в стране угля, 44 % нефти, 40 % металла. Железные дороги способствовали быстрому росту каменноугольной и лесной промышленности, предприятий по добыче нефти и нефтепереработке, металлургии, транспортного машиностроения. Они предъявляли все больший спрос на рабочую силу: в 1865 г. на железных дорогах были заняты 32 тыс. рабочих, в 1890 г. – 252 тыс., а к 1900 г. – 469 тыс.

Существенно возрос и паровой водный транспорт. Если в 1860 г. в стране насчитывалось около 400 речных пароходов, подавляющее число которых приходилось на Волжский бассейн, то в 1895 г. их было уже свыше 2,5 тыс. Речное пароходство получило развитие в бассейнах Дона, Днепра, Западной Двины, Северной Двины, Оби, Енисея, Амура. Развивалось и морское судоходство. Численность морских пароходов за 1860–1890-е гг. возросла в 10 раз – с 51 в 1868 г. до 552 в 1896 г. В прибрежных перевозках значительную роль продолжал играть мелкий парусный флот. В 1890-х гг. на долю речного, морского и гужевого транспорта приходилось до 30 % перевозок, остальные 70 % грузов перевозились по железным дорогам.

Однако в пореформенном экономическом развитии существовали и значительные трудности. В записке императору министр финансов Рейтерн назвал «главные недуги» российской экономики: бюджетный дефицит, расстройство денежного обращения, слишком медленные темпы казенного железнодорожного строительства, нехватка капиталов [7, л. 3]. Эти «недуги» проявились довольно остро уже в период с 1881 по 1892 гг., когда пост министра финансов занимали Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградский. Это был не совсем благоприятный для экономики страны период: еще не завершился промышленный кризис, обострившийся после русско-турецкой войны; низкие урожаи в 1881–1882 гг. и в 1884–1885 гг., неурожаи 1889–1890 гг. и, особенно, 1891 г., совпавшие с мировым аграрным кризисом, осложнили и ухудшили условия экспорта хлеба, который являлся важной статьёй государственных доходов. После временного сокращения объема экспорта хлеба в конце 1870-х гг. до 203 млн пудов в дальнейшем происходит его рост, достигший в 1887–1891 гг. в среднем 442 млн пудов ежегодно, однако покупательная способность населения росла медленно [21, с. 215].

Многие промышленные предприятия переживали серьезные финансовые трудности. Акционерное учредительство не развивалось, оставаясь по среднегодовым показателям на уровне второй половины 1870-х гг. Однако, в рассматриваемый период обозначились положительные сдвиги в экономике страны. По данным И.П. Табурно, производительность промышленности в целом с 1883 по 1892 гг. возросла на 50 %, тогда как производительность сельского хозяйства, осталась на прежнем уровне [17, с. 19].

Таким образом, в социально-экономической сфере сформировались значительные диспропорции, а промышленное развитие в пореформенной России носило сложный и противоречивый характер. С одной стороны, развитие капитализма сопровождалось вытеснением мелких товаропроизводителей: мелкое товарное производство, основанное на ручном труде, не выдерживало конкуренции крупного, базировавшегося на машинной технике и более производительного. С другой стороны, не только сохранялись, но параллельно росту крупной промышленности развивались и низшие формы промышленного производства: мелкотоварное и мануфактурное.

Дальнейшее распространение мелких неземледельческих промыслов в пореформенной России наряду с ростом крупной промышленности объясняется рядом факторов. При преобладании крестьянского населения, полунатурального земледелия, сохранении учреждений и традиций старины крупная машинная индустрия еще не могла окончательно вытеснить мелкую, крестьянскую промышленность. Вместе с

тем развитие товарного хозяйства неизбежно вело к увеличению численности крестьян-промышленников.

В первую очередь, из старых, промышленно развитых регионов, в связи с ростом конкуренции между промысловиками и под давлением крупной машинной индустрии, крестьяне-промысловики уходили в земельные губернии. Там, на новом месте, создавались и распространялись различного рода промыслы, перенесенные из губерний, обладавших вековой промышленной культурой. Таким образом, для пореформенной России было характерно значительное расширение сферы мелкого промышленного производства на новых территориях.

Однако наряду с этим мелкая крестьянская промышленность получила дальнейшее распространение и в центре страны. В промышленно развитых регионах упадок одних видов промыслов под влиянием конкуренции со стороны машинной индустрии заставлял крестьян переходить к другим промысловым занятиям. Например, во Владимирской губернии рост сапожного и валяльного промыслов был обусловлен вытеснением ручного ткачества крупным фабричным производством. Вместе с тем фабричное производство порождало новые виды промыслов, обслуживавших его нужды. В той же Владимирской губернии фабричное ткачество вызвало к жизни промыслы по изготовлению челноков, деревянных деталей для ткацких станков, коробов для упаковки тканей и пр.

В промышленно развитых губерниях еще в крепостную эпоху выделились крупные села, которые, как правило, становились центрами промысла, формируя вокруг себя промысловые округа. В пореформенную эпоху этот процесс получил свое дальнейшее развитие. Границы промыслового округа расширялись, образовывались целые промысловые районы, втягивавшие в свою орбиту новые селения. Крупные торгово-промышленные селения выступали в роли центров закупки сырья и сбыта продукции данного промысла, затем они становились и центрами складывавшегося мануфактурного производства.

Капитализм проникал и в крестьянскую промышленность. Мелкие товаропроизводители-кустари все более теряли свою самостоятельность, попадая в зависимость от скупщика и мануфактуриста. Мелкие ремесленники, имея свои собственные мастерские и сохраняя еще связь с землей, превращались фактически в наемных рабочих-надомников у мануфактуристов, раздававших им на дом работу. Из среды мелких товаропроизводителей выделялись скупщики-посредники между надомниками и мануфактуристами. Впоследствии эти скупщики превращались во владельцев раздаточных контор и в мануфактуристов с сетью уже своих посредников. Следовательно, крестьянская промышленность не являлась однородной: она представляла собой различные переходные формы от мелкого товарного производства до мануфактуры и служила широкой базой для роста крупной капиталистической промышленности. Именно она формировала кадры обученных работников, и из ее среды выходили владельцы стартового капитала, необходимого для крупного капиталистического производства.

В пореформенный период прирост продукции крупной промышленности определяется в 36 %. Из действовавших в начале XX в. фабрично-заводских предприятий 21 % был основан в 1880-е гг. [15, с. 510]. По подсчетам В.И. Ленина, с 1879 по 1890 г. количество предприятий с числом рабочих более 100 возросло с 1238 до 1431. Общее число рабочих на них соответственно с 510 до 623 тыс., а производительность – с 690 до 859 млн руб. Из приведенных примеров видно, что численность рабочих росла быстрее, чем количество предприятий, а производительность быстрее, чем численность рабочих. Следовательно, в 1880-х гг. рост производительности определялся непосредственно числом рабочих.

Таким образом, к концу XIX в. произошли значительные перемены в экономическом развитии страны. Серьезный рост промышленности, сопровождающийся качественным изменением ее структуры, бурное железнодорожное строительство, соответствующие изменения финансовой политики, которые особенно ярко выражались в системе кредита, достаточно сложный процесс капитализации сельского хозяйства – все это свидетельствовал о переходе экономики России на новую ступень

развития. Однако, к началу 1890-х гг. XIX в., – как пишет М.И. Боголепов, – выяснилось что «государство, слишком торопливо воспользовавшееся плодами экономического и общественного оживления после эпохи «великих реформ», уже основательно исчерпало результаты недоконченных преобразований. Опыт трех последних десятилетий говорил о необходимости новых реформ, новых толчков к развитию народного хозяйства» [2, с. 8].

Характер и направление социально-экономического развития пореформенной России были, безусловно, капиталистическими. Однако темпы и степень этого развития в различных отраслях народного хозяйства и в разных регионах страны были далеко не одинаковыми. Быстрее и интенсивнее капитализм развивался в промышленности, медленнее – в сельском хозяйстве, в котором вплоть до 1917 г. (и даже в 1920-х годах – в период нэпа) продолжали сохраняться еще докапиталистические и даже патриархально-натуральные формы. Однако и в промышленной сфере можно говорить о победе капитализма лишь применительно к крупной и средней промышленности. Сохранялась (и даже получала дальнейшее развитие) большая сфера различных форм докапиталистической промышленности – домашних промыслов, ремесла, мелкотоварного производства. Не являясь еще капиталистическими, они, тем не менее, создавали широкую базу для развития капитализма. Капиталистическое развитие быстрее проходило в центре страны, слабее на ее окраинах. Для пореформенной России характерно было развитие капитализма вширь, то есть распространение его на новые, еще неосвоенные, территории.

Экономика пореформенной России была представлена не только капитализмом. Ей присуща была многоукладность – сосуществование наряду с капитализмом мелкотоварного и патриархально-натурального производства. Долгое существование в России крепостного права и незавершенность реформ 1860–1870-х гг. обусловили сохранение многочисленных пережитков старины в экономике, политическом строе, социальных отношениях. Господство помещичьего землевладения в пореформенной России, являвшегося главным крепостническим пережитком, и сословной неполноправности крестьян существенно ограничивало возможности капиталистического развития пореформенной деревни. Но и в промышленной сфере, где капитализм достиг наибольших успехов, предприниматель действовал не только «чисто» капиталистическими методами, но и применял старые, докапиталистические приемы эксплуатации, связанные с кабалой и принуждением.

Россия, позднее многих европейских стран вступив на путь капиталистического развития, проходила его в более сжатые сроки. На развитие капитализма в пореформенной России оказывала влияние и экономика стран давно утвердившегося капитализма Западной Европы и Америки. Оно выражалось в использовании их технических достижений, инвестиций иностранного капитала в русскую экономику. Но наличие в пореформенной России крепостнических пережитков, хозяйственно-экономическое, этническое и культурное разнообразие, характерное для регионов огромной страны, обусловили неравномерность и незавершенность развития российского капитализма, тесное переплетение старых и новых форм, сложность социальной структуры.

Большое значение имели и такие особенности экономики и социальных отношений в России, как активное государственное вмешательство в экономику и слабое развитие частной собственности. Внушительное государственное хозяйство в виде казенных предприятий, банков, железных дорог, огромный массив разного рода казенных угодий и т.д. использовались самодержавием для поддержания дворянства (путем льготных ссуд), а также предоставляли широкие материальные возможности для влияния на буржуазию. Громадная роль государства в экономике страны и его заинтересованность в ее капиталистическом развитии давали народникам основание делать вывод о том, что капитализм в России исключительно «насаждается сверху», то есть самодержавием. Нельзя отрицать этого факта, но неверно придавать ему исключительное значение. Капитализм в России развивался «снизу» при поддержке его «сверху».

В России частная собственность на землю была представлена преимущественно дворянским, по существу феодальным, землевладением. Хотя она и была значитель-

но подорвана пореформенными рыночными процессами, о которых говорилось выше, но сохраняла свои господствующие позиции в землевладении вплоть до 1917 г. Буржуазная земельная собственность только начинала складываться и еще не получила широкого развития. Заметим, что не всякую земельную собственность можно считать буржуазной, а лишь ту, на которой ведется предпринимательское, капиталистическое хозяйство. Таковой нельзя считать и приобретенные покупкой общинами, товариществами или даже отдельными крестьянами небольшие участки земли для «продовольственных» целей, как добавление к своему наделу.

Вследствие недостаточного развития в России частной собственности было слабо развито «третье сословие». Однако действовал и другой фактор – антисобственнический менталитет широких народных масс, неуважение к частной собственности, которая рассматривалась как «награбленное добро».

Изменения в социальной структуре общества являлись логическим следствием процесса капитализации страны. Пропасть между различными социальными слоями в России была особенно глубокой. Это объяснялось одновременным насаждением полуфеодалных порядков и хищнических методов молодого российского капитализма. Самым большим по численности классом населения (77,1 % по переписи 1897 г.) было крестьянство. Во второй половине XIX в. происходит естественный процесс социальной дифференциации крестьянства. Российские города были символом капитализации аграрной страны. В 985 городах проживало 12,8 % населения страны. Города превращались в крупные промышленные центры. Соответственно менялся и состав городского населения. Рабочие фабрик и заводов были самым молодым классом, которому законодательство даже не успело найти места в общественной структуре. Правящую элиту формировали два класса – буржуазия и дворянство. Социальной базой формирующейся промышленной буржуазии, наряду с купечеством, являлась мелочная и отчасти зажиточная крестьянство. К концу XIX в. численность буржуазии достигла 1,5 млн человек. Политическое значение буржуазии отставало от ее экономической мощи. Социальная структура российского общества во второй половине XIX в. была очень неоднородной.

В итоге получилось, что социальное развитие России к концу XIX в. было достаточно противоречивым, что обуславливалось рядом факторов. Оно заставляло задуматься о путях дальнейшей эволюции капитализма в России. Характерно для этого периода размышление П.В. Федотова. «Как известно, – пишет он, – эпохой реформ установлено считать царствование Александра II. Действительно, преобразовательская деятельность достигла тогда высокого напряжения. Крепостное право держало Россию в состоянии натурального хозяйства и отделяло ее непроницаемой стеной от Запада. Освобождение крестьян, переход к наемному труду, разрушавший эту стену, в свою очередь, властно требовал изменения всего уклада государственной жизни – правильного суда, земского и городского самоуправления. Но все эти реформы не отличались творческим созидательным началом, они лишь устраняли препятствия, мешавшие России вступить в Европейскую семью, они закладывали фундамент, на котором предстояло возвести то или иное здание» [4, с. 4]. Вопрос о том, какое здание и как его строить вызывал горячие споры, суть которых, в основном, сводилась к тому, должна ли Россия пройти через те же стадии хозяйственного развития, которые проделала Западная Европа, или же она найдет свои самостоятельные пути. В этот период обозначились различные направления социально-экономической мысли, которые по-разному видели выход из создавшейся ситуации. Необходимо отметить, что на рубеже XIX и XX вв. русская социально-экономическая мысль отличилась разнообразием научных и идеологических направлений, обилием интересных работ [1, с. 238].

Основным сосредоточием социально-экономической мысли являлись университеты. Профессор Московского университета Б.И. Чичерин, сочинения которого имели немалый общественный резонанс, выступал за капиталистическое развитие деревни (при сохранении дворянского владения), против консервации общины. Записка, поданная Чичериным через К.П. Победоносцева Александру III, содержала программу либерально-буржуазных реформ при сохранении самодержавия. Чичерин предла-

гал: в политике – создание консультативного сословного парламента из представителей дворянства и земств; в экономике – «довершение освобождения русского крестьянина освобождением его от общины и круговой поруки, присвоением ему в собственность той земли, на которую он имеет неотъемлемое право. Только через это у крестьян могли развиваться та самостоятельность, без которой невозможны никакие хозяйственные успехи».

Главой либерально-народнического направления в истории социально-экономической мысли конца XIX в. был профессор Московского университета А.И. Чупров. Чупров выступал за средний путь, который современным языком на Западе назвали бы смешанной экономикой. Профессор предлагал соединить преимущества частного предпринимательства, для которого единственным мотивом является прибыль, с развитием государственного («общественного») сектора там, где это необходимо для общества, но не может быть обеспечено частным капиталом. К этим двум началам хозяйственной деятельности Чупров добавляет частную благотворительность [12, с. 105].

Один из наиболее ярких сторонников особого пути социального и экономического развития России В.П. Воронцов, всероссийскую известность которому принесла книга «Судьба капитализма в России», утверждал, что «все происходящее в России не капитализм, а игра в капитализм». В прогнозе Воронцова можно выделить три составных части: 1. Развивающийся после реформы 1861 г. капитализм в России неизбежно зайдет в тупик из-за неразрешимости его совершенно специфических противоречий, порожденных особыми внутренними и внешними условиями существования России. 2. На смену ему должна прийти более адекватная этим условиям форма промышленного развития, которая будет основана на государственной собственности в крупной промышленности и артельно-общинной в сельском хозяйстве и кустарных промыслах. 3. Возможна победа капитализма в таких странах, как Россия, в случае перехода к социализму одной или нескольких старых капиталистических стран и освобождения ими места в мировом рыночном хозяйстве.

«Не каждый народ, – писал В.П. Воронцов, – обязан неизбежно пройти капиталистический фазис в развитии своей промышленности, в молодых странах капиталистическое производство тщетно будет стараться занять то положение, какого оно достигло в странах классического капитализма» [6, с. 21]. В.П. Воронцов предлагал полностью переориентировать экономическую политику, основным содержанием которой должно было бы стать развитие сельского хозяйства страны с учетом ее исторических особенностей.

Представленная картина основных социально-экономических направлений второй половины XIX в. была бы неполной без упоминания о киевской научной школе (Н.Х. Бунге, Д.И. Пихно, А.Я. Антонович и т.д.). Представители киевской школы занимали антиобщинную позицию и выступали за свободное развитие капитализма в сельском хозяйстве. Столпом киевской школы был Н.Х. Бунге – профессор, впоследствии ставший министром финансов.

Киевская школа прославляла позитивную роль рынка и конкуренции. Частная собственность представляется необходимым условием экономического прогресса, который немислим без личной инициативы. Н.Х. Бунге предостерегал правительство от замены «свободного» частного хозяйства «принудительным хозяйством государственным или общественным», от вторжения в отрасли, которые с «успехом велись частной промышленностью». Для успешной борьбы с социалистическими идеями правительству предлагалось позаботиться о создании правовых и экономических условий, которые смягчили бы «материальное состояние всех и каждого как классов, владеющих недвижимым имуществом, так и рабочих» [1, с. 326].

Сложилось так, что к началу 1890-х гг. необходимость дальнейших преобразований стала осязательной. Это отражалось и в эволюции социально-экономической мысли, которая предлагала различные варианты дальнейшего развития. Понимание необходимости изменений в экономике, подведения уже осуществленных преобразований к общему знаменателю прослеживается и в прессе рассматриваемого периода («Новое время», «Русские ведомости», «Новости») [9, с. 192]. Политические же усло-

вия последней четверти XIX в., наступившая волна контрреформизма совершенно исключали возможность реформ, которые опирались бы на политическое раскрепощение народных масс, на окончательную ликвидацию пережитков крепостной эпохи.

Таким образом, с 1860 г. в России совершается промышленный переворот, требовавший адекватной государственной и общественной структуры. Однако основой социально-экономического устройства российского общества являлась община. Этот социальный институт наиболее полно отвечал уровню развития производительных сил и социальных связей. Община соответствовала представлениям русского народа о правильной и справедливой организации социальной жизни людей, а существовавшие в ней межличностные отношения – религиозному идеалу человеческих отношений, который поддерживала православная церковь. Вот почему крестьяне и вслед за ними беднейшая и наиболее многочисленная часть городского сословия – мещане на протяжении долгого времени проявляли особенно большую склонность к организациям общинного типа. Ограничение имущественной дифференциации, систематическое исключение из общин порочных членов, а также добровольный выход из общин лиц с отклоняющимся поведением долгое время поддерживали экономическую, социальную и духовную близость членов общины и ее консолидацию. Уровень социальной мобильности, степень открытости и осведомленности ее членов об окружающем мире были при этом в крестьянской общине намного ниже, чем в городской.

Помимо сельской и посадской общин широкое распространение получила еще одна родственная им по духу форма организации общества – артель, которая встречается всюду, где народ занимался какой-нибудь специфической деятельностью вне крестьянской или посадской общин. Артель адаптировала общинные принципы и порядки к особенностям этой деятельности: солдаты создавали артели в армии, чтобы обеспечить себя продовольствием и деньгами для удовлетворения служебных и личных нужд; рабочие, крестьяне-отходники, сельские ремесленники, рыболовы, бурлаки, торговые крестьяне и т.д. объединялись в трудовые артели для защиты, борьбы с конкурентами, повышения доходности своего промысла и т.п.; с той же целью создавали свои артели даже деклассированные элементы общества – нищие, заключенные, каторжники и т.п.

Отмена крепостного права и реформы 1860-х гг. подорвали общинный уклад жизни российского социума, хотя и не уничтожили его полностью. В пореформенный период не только промышленный, но и аграрный сектор экономики функционировал на основе рыночного механизма, роль которого в организации и регулировании экономической и социальной жизни непрерывно возрастала. Развитие товарно-денежных отношений и превращение самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных и промышленных рабочих стало важным фактором социально-экономических преобразований в России. Юридическое признание стихийно сложившихся корпораций со стороны государства, приобретение ими официальных функций и формальной структуры играли важную роль в трансформации корпорации из общинности (общности) в новую форму отношений между людьми – общество.

Разрушало общность и переселение на территорию крестьянских и городских общин представителей других профессиональных и социальных групп, в деревне – мещан и купцов для занятия предпринимательской деятельностью, в городе – крестьян, дворян и т.д. В том же направлении воздействовала культурная, политическая и экономическая деятельность множества новых организаций в деревне и городе, таких, как земства, кредитные учреждения, благотворительные, женские, просветительские общества, политические партии и т.п., которые обогащали людей новыми идеями и образцами поведения, а также моделями социальных взаимоотношений.

Повышение грамотности, секуляризация сознания, изменение менталитета различных сословий также способствовали трансформации корпораций из общности в общество. Здесь весьма существенным было утверждение в массовом сознании идеи о ценности самостоятельной и независимой личности. В дворянской и разночинной среде это произошло в конце XVIII – начале XIX вв., в разных стратах городского сословия – в течение XIX в., в среде крестьянства – в начале XX в. Во второй поло-

вине XIX в. в российском обществе начинают происходить изменения в основных принципах сословных взаимодействий. Социальная политика пореформенного периода была направлена на уничтожение сословных привилегий и уравнивание всего населения страны в личных правах. Следствием этого было дальнейшее понижение значения дворянского статуса и роли дворянства в управлении государством. Утрачивали свои привилегии и другие группы населения – купечество и духовенство.

Существовавшие в дореформенное время структуры, функции, управление, межличностные отношения, основополагающие принципы жизни основных русских сословий начинают рационализироваться и опираться на твердые юридические основания. Органическое единство в них превращалось в механическое, а солидарность, основанная на родстве и личных отношениях, заменялась объединением, базирующимся, главным образом, на законном порядке и на обмене услугами. Такая модернизация социальных отношений в России в пореформенный период в целом способствовала трансформации общества из сословного в классовое.

Ввиду того, что социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства изменялись разными темпами, в начале XX в. главные сословия России оказались на разном уровне социального развития. Крестьянская община, мещанская, ремесленная и купеческая корпорации, а также и дворянское общество представляли собой как бы три стадии развития социальной организации. Далее всего в направлении развития отношений общественного типа продвинулось дворянство, менее всего – крестьянство.

Список литературы

1. Аникин А. К. Путь исканий. Социально-экономические идеи в России до марксизма / А. К. Аникин. М. : Политиздат, 1990. – 534 с.
2. Боголепов М. И. Государственное хозяйство (1892–1903) / М. И. Боголепов // История России в XIX в. – СПб., 1905. – 493 с.
3. Бурджалов Э. И. Экономическое развитие России после крестьянской реформы / Э. И. Бурджалов. – М., 1940. – 621 с.
4. Витте С. Ю. Воспоминания / С. Ю. Витте. – М., 1923. – Т. 1. – 574 с.
5. Вознесенский С. Экономика России XIX в. В цифрах / С. Вознесенский. – Л., 1924. – 189 с.
6. Воронцов В. В. Судьбы капитализма в России / В. В. Воронцов. – СПб., 1882. – 244 с.
7. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 851. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 3.
8. Гиндин И. Ф. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60–80-е гг. XIX в. / И. Ф. Гиндин // Вопросы истории. – 1959. – № 5. – С. 24–33.
9. Драган Г. И. Экономическая программа С.Ю. Витте в буржуазной прессе : дис. ... канд. истор. наук / Г. И. Драган. – М., 1987. – 220 с.
10. Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство в период империализма / С. М. Дубровский. – М., 1975. – 396 с.
11. Ионова. В. В. Формирование крупной московской буржуазии в 30–50-е гг. XIX в. / В. В. Ионова. – М., 1981. – 627 с.
12. Каратаев Н. К. Экономические науки в московском университете (1755–1955) / Н. К. Каратаев. – М., 1956. – 178 с.
13. Клейн Б. С. Россия между реформой и диктатурой / Б. С. Клейн // Вопросы истории. – 1991. – № 3. – С. 51–59.
14. Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. / А. А. Корнилов. – М. : АСТ, 2004. – 863 с.
15. Ленин В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 3 т. – М., 1970.
16. Соловьева А. М. Промышленная революция в России XIX в. / А. М. Соловьева. – М., 1990. – 378 с.
17. Табурно И. П. Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901) / И. П. Табурно. – СПб., 1904.
18. Тарновский К. И. Социально-экономическая история России / К. И. Тарновский. – М., 1990. – 724 с.
19. Тимирязев Д. А. Развитие главных отраслей фабрично-заводской промышленности в России с 1850 по 1899 гг. / Д. А. Тимирязев. – СПб., 1900.
20. Хромов П. А. Экономическое развитие в России в XIX–XX вв. (1800–1917 гг.) / П. А. Хромов. – М., 1950. – 679 с.
21. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй пол. XIX в. / Л. Е. Шепелев. – Л., 1981. – 400 с.